

1. СССР и социалистический лагерь

Укрепить пошатнувшиеся позиции Советского Союза в социалистическом лагере и среди компартий стран третьего мира было первой внешнеполитической заботой преемников Хрущева. В этом направлении они действовали весьма осмотрительно (по крайней мере до чехословацкого кризиса), в основном методом проб и ошибок, но все же добиваясь ощутимых результатов.

Новые руководители начали с миролюбивого жеста в сторону Пекина, прекратив полемику и отложив конференцию компартий, которую Хрущев предполагал созвать в декабре 1964 г. ПримириТЕЛЬные настроения, допускавшие возможность некоторых уступок, преобладали и в отношении к Румынии, которая отстояла свой экономический выбор и формы своего участия в СЭВ. Укрепление советских позиций произошло и среди коммунистических партий Латинской Америки, собравшихся в декабре 1964 г. на конференцию в Гаване. СССР одобрил результаты конференции и поддержал вооруженную борьбу во многих странах Латинской Америки, продемонстрировав тем самым твердую решимость нового руководства Советского Союза не уступать районы вооруженных действий китайскому влиянию.

Эта позиция способствовала сближению с Кубой и ухудшила отношения с Китаем, который после «истории» с советскими ракетами на Кубе укрепил свои позиции в третьем мире. СССР оказал, далее, большую экономическую и военную помощь Северной Корее и Северному Вьетнаму, которые были скорее «клиентами» Китая. Благодаря этой помощи обе страны заняли позицию строгого нейтралитета по отношению к советско-китайскому конфликту.

Компромисс, на который пошел Советский Союз с Ф.Кастро по вопросу о вооруженной борьбе в Латинской Америке, как и помощь Ханю в момент усиления американского вмешательства во Вьетнам указывали на то, что СССР отдавал предпочтение налаживанию отношений с социалистическим лагерем — даже в ущерб своим отношениям с Соединенными Штатами.

Принятые на XXIII съезде КПСС в марте 1966 г. решения подтвердили тенденцию к более жесткой внешней политике в послехрущевский период. Мирное сосуществование уже не рассматривалось как «генеральная линия внешней политики Советского Союза». Эта идея, конечно, продолжала присутствовать в отношениях между Востоком и Западом, но во всех других случаях «соревнование между двумя лагерями было как никогда активным». Если мирное сосуществование и оставалось целью советской политики, оно тем не менее перестало быть грандиозным замыслом урегулирования разнообразных аспектов эволюции международной системы. Усиление американского военного вмешательства во Вьетнаме, которое доказало Советскому Союзу, что он не может отвратить Соединенные Штаты от «экспорта контрреволюции», имело прямое отношение к переоценке советским руководством идеи «мирного сосуществования». В этом контексте укрепление социалистического лагеря получало неоспоримый приоритет.

Несмотря на несомненные успехи советских руководителей в стремлении восстановить полный контроль над социалистическим лагерем, им предстояло преодолевать определенные сложности, в особенности в отношениях с кубинцами, китайцами и, в скором времени, с чехами и словаками. На XXIII съезде КПСС делегат Кубы выступил с прямым упреком в адрес Советского Союза, который, по его мнению, не шел «на необходимый риск в своих отношениях с Вьетнамом». Радикализм кубинской оппозиции мог подтолкнуть в том же направлении другие латиноамериканские компартии, тем более в условиях, когда Че Гевара призывал «создать два, три, много Вьетнамов, чтобы лишить Соединенные Штаты их могущества».

Надо отметить, что во вьетнамском конфликте советское правительство действовало осторожно. Оно удержалось, например, от предоставления Ханю некоторых видов оружия, которые могли бы сразу резко обострить конфликт (неядерные ракеты «земля — море», которые могли бы поражать крупные корабли 7-го американского флота, с которых производилась бомбежка Северного Вьетнама). Китай, хотя и не принявший в 1965 г. советского предложения оказывать совместную военную и экономическую помощь Ханю, не удержался от того, чтобы заклеить «советскую

трусость» перед лицом американской агрессии. В 1965 г. он потребовал от своих союзников разоблачать позицию Советского Союза. Однако начавшаяся в 1966 г. в Китае «культурная революция» почти полностью исключила его из международной жизни к глубокому облегчению Советского Союза. К этому времени Китай перестал относить такие страны, как Куба, Северная Корея и Северный Вьетнам, к «социалистическим». Военный переворот в Индонезии осенью 1965 г. обезглавил мощную компартию этой страны, самую многочисленную за пределами социалистического лагеря, и лишил Китай главного союзника как в его азиатской политике, так и в коммунистическом движении (в полемике Китая с Советским Союзом индонезийские коммунисты стояли на стороне Китая).

В Восточной Европе советскому руководству удалось стабилизировать ситуацию и ликвидировать последствия событий 1956 г. Беспрецедентным примером гибкого наведения порядка стала «кадаризация» в Венгрии: политическая жизнь, конечно, продолжала оставаться под абсолютным контролем партии, однако в сфере культуры была допущена некоторая свобода, а главное, разумная экономическая политика обеспечивала в Венгрии исключительные для коммунистической Восточной Европы условия жизни. Положение в Венгрии сильно контрастировало с ситуацией в Чехословакии, в предвоенный период самой развитой стране Центральной Европы, Суровый политический режим, экономические срывы, особенно тяжело переносимые из-за того, что страна знала лучшие времена, рождали дух сопротивления, который уже не ограничивался интеллигентскими кружками, проникая в саму партию. В июне 1967 г. по инициативе писателей-коммунистов открыто выступил против руководства партии Съезд писателей. К осени, после массовых студенческих демонстраций и забастовок, оппозиция властям еще больше усилилась. В январе 1968 г. Новотный был вынужден уступить руководство партией Дубчеку. С этого момента события стали приобретать все более стремительный характер. Чтобы завоевать доверие, новое партийное руководство решило незамедлительно провести ряд реформ. В атмосфере свободы и упразднения всякой цензуры развивалась политическая деятельность; КПЧ согласилась на альтернативные выборы своих руководителей; мелкие партии внутри Народного фронта смогли вернуть былую самостоятельность и начали отстаивать особые точки зрения; встал даже вопрос о возможности существования действительно оппозиционной партии социалистического толка, которая соперничала бы с коммунистической. В экономическом плане была подготовлена реформа, предусматривавшая в рамках планирования, не столько директивного, сколько инициативного, самостоятельность предприятий и рыночные условия их хозяйствования. Самостоятельность предприятий позволяла трудящимся предпринять и ряд шагов для перехода к самоуправлению.

Изменения, произошедшие в руководстве Компартии Чехословакии и поначалу благожелательно встреченные в Москве, казалось, вели в условиях очень быстрой и, по всей видимости, неконтролируемой эволюции партии к настоящему политическому кризису советской системы в Чехословакии. Этот кризис характеризовался переходом, с одной стороны, от экономических реформ к политическим и, с другой, от оппозиционного движения интеллигенции и рабочих к кризису внутри самой партии. Пример мог стать заразительным, и руководители ГДР и Польши уже проявляли определенную настойчивость на конференциях компартий Восточной Европы в Дрездене (март 1968 г.), затем в Варшаве (июль 1968 г., в отсутствие Чехословакии, которая, подвергшись резким нападкам в Дрездене, отказалась принять участие в этой конференции).

Встреча Брежнева и Дубчека в Черне и совещание «шести» 3 августа в Братиславе привели только к внешнему примирению, так как чехословацкие коммунисты решили не отказываться от начатых ими реформ. Наконец, после довольно длительных колебаний и под давлением руководства ГДР, советская сторона решилась начать интервенцию — «по просьбе чехословацких товарищей». В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. войска пяти стран — участниц Варшавского Договора вступили в Чехословакию. Отношение к этой акции населения страны убедило советское руководство в необходимости «переходного периода»: 26 августа в Москве было принято соглашение о «нормализации положения», а 16 октября в Праге заключено соглашение о «временном нахождении войск Варшавского Договора» в Чехословакии. Однако про-

должающиеся демонстрации протеста против оккупации привели советское руководство к решению отстранить Дубчека и его окружение от руководства страной и поставить во главе КПЧ Г.Гусака (17 апреля 1969 г.). Проведя в стране широкую чистку «враждебных» элементов, Гусак подписал 6 мая 1970 г. новый договор о союзе с СССР и вынудил ЦК КПЧ одобрить советскую интервенцию.

Как представляется, эта акция СССР преследовала две цели: первая была продиктована стратегическими соображениями внешней политики; вторая, возможно, более существенная, внутренним положением в Чехословакии и эволюцией ее коммунистической партии.

Вместе с Польшей и ГДР Чехословакия образовывала то, что называлось «железным треугольником» Варшавского Договора. Чехословакия, прикрывавшая страны Договора с южного фланга, являлась главным плацдармом СССР. Советских лидеров и их союзников не могли не встревожить некоторые заявления высших руководителей Чехословакии (генерала Пршлика, например), требовавших пересмотра положений Варшавского Договора, чтобы уменьшить руководящую роль Советского Союза в пользу восточноевропейских стран. С другой стороны, в атмосфере «пражской весны» сильно ослабла обычная настороженность чехословацкого руководства по отношению к ФРГ, новое руководство было намерено нормализовать свои отношения с этой страной, которая со своей стороны, казалось, была готова предоставить Чехословакии солидный кредит. Это совсем не устраивало ГДР, наиболее враждебно настроенное к «пражской весне» восточноевропейское государство. Наконец, установление особых отношений между Югославией, Румынией и Чехословакией (незадолго до советской интервенции, 9 августа Тито, а 20 — Чаушеску был оказан триумфальный прием в Праге) не могло не беспокоить Москву, опасавшуюся восстановления новой «малой Антанты», объединявшей эти три страны в период между войнами. Коммунистическую «малую Антанту» могло объединять только желание ослабить гегемонию Советского Союза в Восточной Европе.

Эволюция чехословацкой компартии беспокоила советских руководителей не меньше, а может быть, и больше, чем геополитические проблемы. Упразднение цензуры, как и процесс демократизации партии заставляли их опасаться «социал-демократизации» КПЧ. На начало сентября 1968 г. был уже назначен партийный съезд, на котором должны были быть внесены изменения в устав и в формулировку принципов демократического централизма. Именно чтобы помешать КПЧ сделать решительный шаг в этом направлении, 21 августа и была предпринята военная интервенция. (Еще в середине июля, по окончании варшавской встречи пяти компартий, ее участники обратились в ЦК КПЧ с угрожающим письмом, в котором утверждали: «Либо вы потеряли контроль над ситуацией, либо вы не хотите ничего делать, чтобы ее контролировать».)

Действительно, в отличие от событий 1956 г. и 1968 г. военная интервенция была вызвана скорее предчувствием опасности, чем конкретными обстоятельствами. Глубоко консервативная советская верхушка не могла позволить складывавшейся ситуации выйти из-под ее контроля.

«Нормализация» положения в Чехословакии ускорила начавшийся в конце 50-х гг. процесс интеграции, как военной, так и экономической, Восточной Европы и СССР. Помимо Варшавского Договора и СЭВ Советский Союз выступил инициатором создания около 30 межгосударственных учреждений, предназначенных координировать работу промышленности и транспорта, распределение энергии, химическое производство и производство вооружений. Для этих учреждений была характерна тенденция к быстрому расширению сферы их деятельности и усиление в итоге контроля Советского Союза над экономической жизнью «братских государств». Так на деле реализовывался принцип «ограниченного суверенитета», или так называемая «доктрина Брежнева». Этот процесс, однако, вызвал сопротивление, и наиболее упорное было оказано Румынией, помешавшей в 1974 г. Советскому Союзу установить еще более тесную координацию военного командования стран Варшавского Договора.

Пробить наиболее серьезную брешь в, казалось бы, замкнутой системе восточноевропейских режимов было суждено Польше. Резкое повышение цен в 1970 г. вызва-

ло массовые волнения рабочих ее балтийских портов. Гомулка вынужден был уступить руководство партией и страной Гереку. В течение последующих десяти лет польские власти проводили экономическую политику, основанную на широком импорте, что позволило обойтись без немедленного проведения структурных реформ, но еще больше увеличило и так уже исключительно большую внешнюю задолженность страны. Результатом стала необходимость повышения цен на продукты питания, что в свою очередь вызвало новую волну забастовок, на сей раз еще более многочисленных, мощных и последовательных, которые достигли своего апогея летом 1980 г. в Гданьске. Правительство оказалось перед необходимостью признания независимого профсоюза «Солидарность», сеть организаций которого в течение нескольких недель покрыла всю страну. Политическое движение в Польше не было обязано партии, и в этом было его главное отличие от Будапешта или Праги. После пражских репрессий и невыполнения второго обещания Терека в 1970 г. смягчить режим у поляков уже не было иллюзий в отношении реформ сверху, и польское движение развивалось совершенно самостоятельно, вырабатывая собственные организационные формы. Не претендуя на установление каких-либо форм самоуправления предприятий, «Солидарность» тем не менее выполняла роль противовеса официальной власти и, опираясь на основные требования польского общества, ставила под сомнение многие аспекты деятельности единого партийно-государственного организма. Учитывая эти совершенно новые обстоятельства, советское руководство лишь с большим трудом могло непосредственно вмешаться в польские дела без риска пролития крови. Поэтому «нормализация» положения в стране была доверена поляку, генералу Ярузельскому, и в этом заключалось главное отличие от событий 1968 г. Тем не менее и в отсутствие прямого вмешательства Советского Союза последовавшая (сразу за введением в стране 13 декабря 1981 г. Ярузельским военного положения) «нормализация» была занесена международной общественностью в черный список дел, совершенных Советским Союзом. Результатом этого была непрерывная деградация образа Советского Союза, действия которого все больше ассоциировались с попранием прав человека как внутри страны, так и в соседних странах. По неожиданному стечению обстоятельств борьба горстки советских диссидентов из интеллигенции, о которой ничего не знало огромное большинство населения СССР, совпала с борьбой рабочих Гданьска.